

ЕСТЬ актеры, при одном упоминании имени которых нас озаряет улыбка. Такова сила инерции. Мы привыкли видеть их в комедийных ролях и убеждены в том, что комедия — главная и единственная их стихия. Главная — возможно. Но единственная ли?! Во всяком случае, применительно к Ростиславу Яновичу Плятту такое мнение кажется несправедливым. Ну, а как быть с его драматическими образами? С Крогстадом в «Норе» Г. Ибсена? С чеховскими героями: Рублевым в «Топере», Дорном в «Чайке», Войничким в «Лешем»? С хирургом Бурминым в «Парне из нашего города», генералом Васиним в «Русских людях» К. Симонова, с разведчиком Левиным во «Втором дыхании» А. Крона, стариком Купером в «Дальше — тишина» В. Дельмар, ученым Дау в фильме «Иду на грозу»?.. Да разве всех перечислишь? Как уместить эти работы в прокрустово ложе амплуа комика? И нужно ли это делать?

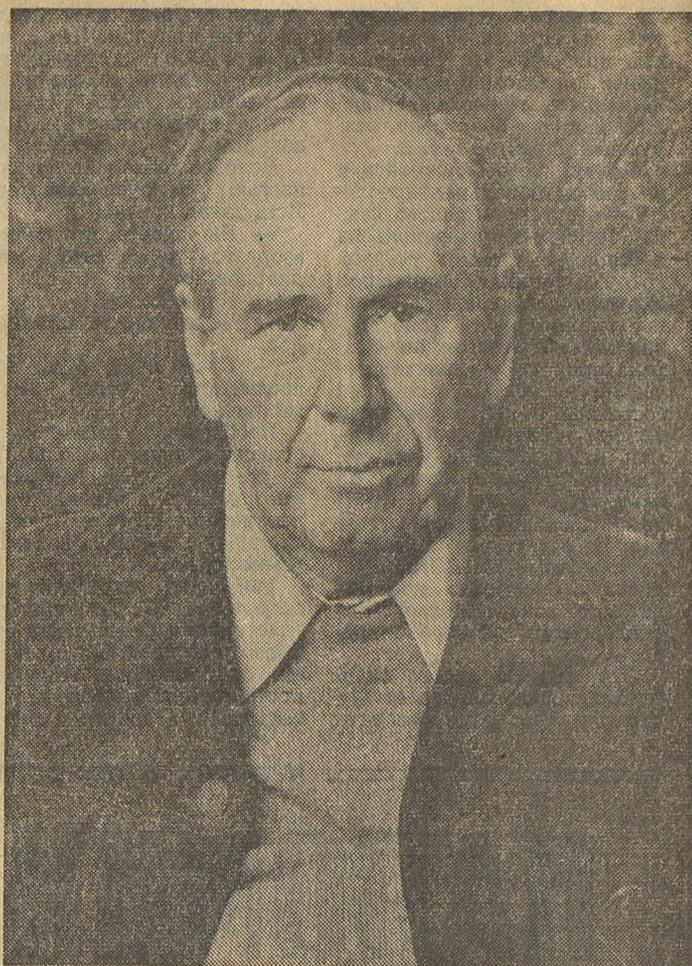
Счастье Плятта состоит в том, что с первых же дней своей жизни в искусстве он повстречал Юрия Александровича Завадского. Это произошло осенью 1926 года, и с тех пор вплоть до последних дней они почти никогда не расставались. Каждому человеку нужен учитель. Актеру — особенно. В театральной студии опытные педагоги пестуют, лелеют, воспитывают их, готовят к самостоятельной творческой работе в идеальных условиях. Но затем они попадают в обыкновенный театр, где выясняется, что все их навыки никому не нужны. Плятту повезло: всю жизнь у него был один учитель. Потому что сначала он попал в студию на Средтенке, которой руководил Завадский и где вместе с ним делали свои первые шаги в искусстве В. Марецкая, Н. Мордвинов и другие. Затем студия была превращена в театр, и все они стали его актерами, а Завадский по-прежнему оставался их руководителем. В 1936 году весь коллектив вместе с Завадским перевели из Москвы в Ростов-на-Дону и слили с группой местного театра. Это было нештучное испытание. Но уже через год в центральной прессе появились прекрасные отзывы о новом ростовском театре. Они принадлежали критикам, чья репутация не вызывает сомнений: Ю. Юзовский, М. Загорский, Г. Вояджиев.

Так случилось, что первая, наиболее значительная актерская победа Плятта приходится как раз на ростовский период. Это не означает, что около пятидесяти ролей, сыгранных прежде, ушли в корзину, как говорят писатели. Ничего подобного. Плятта уже знали и любили и в Москве, и в Ростове как великолепного комедийного актера. Правда, иногда его, как и Завадского, упрекали в излишнем увлечении формой, эстетстве, злоупотреблении эксцентрикой, гротеском.

И вот в Ростове Завадский ставит «Дни нашей жизни» Л. Андреева и поручает тридцатилетнему Плятту сыграть шестидесятилетнего доктора фон Ранкена, который приходит в дом к вдове своего приятеля, чтобы за деньги купить любовь ее дочери. Положение осложнялось тем, что перед глазами у молодого актера стоял пример знаменитого Б. С. Борисова, сравнительно недавно исполнившего эту же роль в Москве.

— Я был в 1938 году сказочно худым... Мне казалось, что для воплощения этого прохвоста, который так и виделся мне в каком-то жире, с одышкой, нужен идеальный исполнитель именно вот такого плана, как Борисов с его тучной фигурой... Ах, Борисов, редчайшего обаяния актер, как он мешал мне в те дни, как закрывал мою фантазию! Ведь мне-то надо было найти что-то, что было бы убедительно для меня! Репетиции тем временем шли, и кое-что в сцене наметилось, но фон Ранкен не родится, а Завадский поглядывает на меня и молчит... И вот однажды Завадский подзывает меня и начинает рисовать: «Вот, видишь, вот так и так, вот, лускай — «детский врач»... Я схватил эту бумажку и побежал в гримерный цех. Через несколько дней я уже гримировался по этому рисунку Завадского. Невероятным приличием, аккуратностью повелю на меня из зеркала! Какие-то благостные, «пасторские», тщательно зачесанные назад седые волосы, аккуратнейшие подстриженные белесые усы и борода, румяные щечки, белые брови над строгими золотыми очками, да, детский доктор, уютнейший дед-мороз... Или нет — симпатичный старый господин из святочных рассказов, помогающий сиротам-детям на улице. Этукий Санта Клаус! И вот фантазия заработала уже молниеносно! Руки, вымытые до невозможности, весь он — скрипучая чистота, тихий, нудный голос. Я себе все это так ясно представил! И вот я уже готов — лепи из меня, что хочешь! Режиссер это понял. Пошел такой творческий пыл, какого я в своей жизни не помню! Я был в восторге от того, как шла работа над этим образом...

Я привел эти слова Плятта потому, что из них нежданно вытекает куда больше, чем кажется на первый взгляд. Дело не только в том,

люди искусства

Как стать самим собой

Б. ПОЮРОВСКИЙ

что мы узнаем, как, каким образом режиссер разбудил фантазию актера. Это само по себе достаточно интересно. Не менее важно, однако, что, поручая своему ученику фон Ранкена, учитель, вероятно, ставил и перед ним, и перед самим собой совершенно определенную педагогическую задачу.

В сущности, Завадский именно так и строил свои отношения с актерами. Он старался угадать возможности каждого даже тогда, когда замыслы его не находили горячей поддержки. Иногда это относилось не только к отдельной актерской работе, но и к спектаклю в целом. Так, скажем, было с последней постановкой пьесы Вл. Билль-Белоцерковского «Штурм». Хорошо помню, как все без исключения актеры до самого дня премьеры сохраняли ироничное отношение к этой затее «Ю. А.», как звали сокращенно Юрия Александровича в театре. Но вот 6 ноября 1967 года пришли первые зрители, на сцене — вся труппа, появился Завадский, и зал стоя устроил овацию.

Каждая сцена принималась с нарастающим успехом, атмосфера в зале накалялась, будто игралась острая, современная драма. В финале — настоящий триумф. Все выходят на поклон, растеряны, никто еще не понимает, что произошло. Кроме Завадского. Он сияет, как ребенок.

— Юрий Александрович, поздравляю! Прошу прощения, вы снова выиграли, — тут же сказал Плятт. — А я снова проиграл.

Какое, наверное, это великое счастье чувствовать, что ты на всю жизнь остаешься учителем для своих учеников! Что они по-прежнему нуждаются в твоём совете, одобрении, поддержке даже тогда, когда сами уже стали признанными и знаменитыми мастерами. Плятт — один из самых талантливых и самых знаменитых учеников Завадского, а сегодня он и самый старший среди них. Ростислав Янович понимает свое нынешнее положение. Тяжесть потерь последнего времени, немилосердно обрушившихся на него, заставила Плятта максимально мобилизоваться. На нем теперь лежит моральная ответственность за нравственный климат в коллективе. Потому что он не только первый артист труппы, но и совесть театра.

Обратили ли вы внимание, как ходит по улице Плятт? Как ездит в метро, в троллейбусе? Как ведет себя в очереди в магазине? Другие его коллеги, куда менее талантливые (и менее знаменитые), кажется, вот-вот свалятся под бременем собственной славы. Они несут себя так, будто боятся уронить. Плятт об этом никогда не думает. Если он не торопится, что бывает нечасто, может обстоятельно рассказать смешную историю. И охотно выслушает вашу. Последнее обстоятельство особенно удивительно: хороших рассказчиков среди известных актеров бывает значительно больше, чем хороших слушателей.

А знаете ли вы, что значит обратиться к Плятту за помощью? Даже когда в этом нуждается не вы лично, а радио-аудио-незнакомый Ростиславу Яновичу человек. По тому, как он охотно и легко откликается на любую просьбу, иногда кажется, что Плятт просто ждет вашего звонка. О чем только не хлопотал Плятт?!

(А ведь он никогда не занимал никаких официальных должностей). И не по телефону, а всегда лично. После фрунда большого спектакля, сыгранного накануне, вы можете рано утром встретить его в Моссовете. Опытный ходатай знает, что лучшее время для таких дел — утренние часы, до начала приемного времени. И как счастлив бывает, когда ему удастся помочь кому-то. И как огорчается, если не находит поддержки. Другие специально отводят часы для изучения жизни. Плятту незачем это делать. Он знает жизнь не понаслышке. У него достаточно личных впечатлений. Может быть, здесь и надо искать причину его успеха в роли Автора в пьесе Н. Вирты «Дали неоглядные».

Ростислав Янович много читает, охотно смотрит спектакли, фильмы, принимает участие в обсуждениях самых актуальных проблем. Словом, Плятт по-настоящему современный интеллигентный человек. И еще одно замечательное качество есть у него: честность. В отличие от актеров, прошедших в театральную школу злословия, он может сказать правду в глаза. Может быть, именно это свойство помогает Плятту оставаться правдивым и на сцене? Даже тогда, когда он прибегает к гротеску, эксцентрике. Вспомните профессионального любовника Никовича в «Госпоже министре» Б. Нушича или самовлюбленного павлина, полногидиота Президента в «Бунте женщин» В. Комиссаржевского и Назыма Хикмета.

Плятт любит повторять, что по части совместительства он считает себя учеником очень популярного артиста Осипа Наумовича Абдулова. При всем моем уважении к таланту Абдулова думаю, что Плятт давно уже превзошел в этом своего учителя. В ту пору, когда жил Абдулов, куда было податься театральному актеру? Фильмов снималось мало, телевидение только-только становилось на ноги. Оставались эстрада и радио. Разве это может сравниться с нынешним положением, когда некоторые актеры снимаются так часто, что в один вечер с ними можно встретиться по всем четырем программам телевидения, не говоря уже о радио. Но, занимаясь «совместительством», Плятт удивительно разборчив. Он умеет говорить «нет».

Вообще Плятт принадлежит к той редкой категории актеров, которые не жалуются на то, что судьба обогнала их хорошими ролями. Конечно, и у него есть свои заветные мечты, но он не страдает от того, что пока они остаются нереализованными. Может быть, потому что он любит свою работу на радио, с удовольствием выходит на эстраду. Во всяком случае, я никогда не слышал от него никаких жалоб на простои в работе. Отсюда вовсе не следует, что он уже готов подводить итоги. Ничего подобного: в Театре имени Моссовета полным ходом идут сейчас репетиции новой пьесы С. Алешина «Тема с вариациями». На двух студиях заканчиваются съемки новых фильмов. Словом, жизнь продолжается, и мы надеемся на новые встречи в театре, кино, на радио с актером, который вот уже полвека дарит нас своим незаурядным талантом.

● Народный артист СССР
Р. Плятт.

Фото В. Плотникова.